

На правах рукописи

Ротай

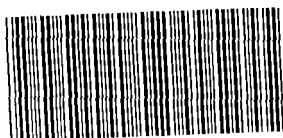
Ротай Евгения Михайловна

**«НОВЫЙ РЕАЛИЗМ» В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ:
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ
Р. СЕНЧИНА, З. ПРИЛЕПИНА, С. ШАРГУНОВА**

10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

12 ДЕК 2013

005543801

Краснодар
2013

Работа выполнена на кафедре зарубежной литературы и сравнительного культуроведения ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет»

Научный
руководитель: доктор филологических наук, профессор
Татаринов Алексей Викторович

Официальные
оппоненты: доктор филологических наук,
профессор кафедры истории русской литературы, теории
литературы и критики ФГБОУ ВПО «Кубанский
государственный университет»
Рягузова Людмила Николаевна

доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой литературного и журналистского
мастерства ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный
лингвистический университет»
Шульженко Вячеслав Иванович

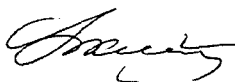
Ведущая
организация: ФГБОУ ВПО «Армавирская государственная
педагогическая академия»

Защита диссертации состоится «24» декабря 2013 года в 9.00 на заседании диссертационного совета Д 212.101.04 по филологическим наукам при ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет» по адресу: 350018, Россия, г. Краснодар, ул. Сормовская, 7, ауд. 309.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет» по адресу: 350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

Автореферат разослан «22» ноября 2013 года

Ученый секретарь
диссертационного совета

М. А. Шахбазян

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

«Новый реализм» - совокупное творческое пространство, в котором активно проявляют себя писатели и литераторы наших дней. Среди них З. Прилепин, Р. Сенчин, С. Шаргунов, Д. Гуцко, Г. Садулаев, И. Абузаров, А. Бабченко, А. Рудалев, А. Ганиева, В. Пустовая, Е. Погорелая. С одной стороны, это литература тех, кто молод, кто рассматривает эпитет «новый» не только как характеристику определенного типа повествования, но и как важный знак автопрезентации. С другой стороны, «новые реалисты», критикуя постмодернизм как искусство, не интересующееся судьбой современного человека, отстаивают интересы классической русской литературы с ее психологическим антропоцентризмом и социальным критицизмом. У русского «нового реализма», история которого насчитывает чуть больше десяти лет, есть своя художественная проза, эссеистика, литературная критика, присутствуют манифесты и автобиографии тех, кто создает этот тип творческой деятельности. Специфика термина «новый реализм» поясняется в ряде метафорических номинаций: «клинический реализм», «радикальный реализм», «гиперреализм», «трансавангард». Надо признать, что в последние два года о «новом реализме» говорят несколько меньше, чем семь-восемь лет назад. Но как бы ни сложилась судьба термина, который многим представляется некорректным, «новый реализм», исследуемый в работах В. Пустовой, А. Ганиевой, Е. Погорелой, Л. Сычевой, Н. Ивановой, А. Латыниной, В. Бондаренко, А. Рудалева, М. Бойко, С. Белякова¹, уже сыграл заметную роль в литературном процессе начала XXI века и, следовательно, достоин изучения.

Актуальность исследования. «Новый реализм» представляют хорошо издаваемые, часто читаемые и обсуждаемые авторы, среди которых главные позиции занимают три писателя – Р. Сенчин, З. Прилепин, С. Шаргунов. Это литература молодых, тех, кому, как правило, значительно меньше сорока (исключение – Р. Сенчин, он 1971 года рождения), и она – самый очевидный вариант развития российской словесности в ближайшие годы. Стоит отметить связь с национальной традиций; «новый реализм» претендует быть современной формой бытования классических традиций русской литературы. Здесь активно идет поиск современного героя и происходит обретение

¹ Беляков С. Дракон в лабиринте: к тушину нового реализма [Электронный ресурс]. — «Урал» 2003 — №1. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/ural/2003/10/bel.html>
Бойко М. О дивный новый реализм [Электронный ресурс] // Литературная газета, 2010, 5 апреля. — Режим доступа: <http://yarcenter.ru/content/view/29512/163/>
Бондаренко В. Новый реализм // День литературы, 15.08. 2003.
Ганиева А. Не бойся новизны, а бойся пустозвонства [Электронный ресурс] // Знамя, 2010 — № 3. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2010/3/ga17.html>
Латынина А. Манифестация воображаемого [Электронный ресурс] // «Знамя» 2010 — №3. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2010/3/la16.html>
Пустова В. Поражены и преображены О двух актуальных взглядах на реализм [Электронный ресурс]. — «Октябрь» 2005 — №5. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/october/2005/5/pust18.html>
Рудалев А. Катахизис «нового реализма». Вторая волна [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rospisatel.ru/konferenziya/rudaljev.htm>

оптимистического миропонимания, борьба с пессимизмом и негативизмом, что чрезвычайно важно для решения проблемы «художественная литература и нравственное воспитание». Именно в «новом реализме» происходит концептуальный и одновременно практически реализуемый спор с постмодернизмом, который, как считают большинство критиков, определял многие тенденции в отечественной литературе, начиная с конца 80-х годов прошлого века. Известно, что литература (как тип художественной и нравственной деятельности, социально-духовной активности) испытывает в последние годы большие проблемы, подвергается критике, как в системе культуры, так и в системе образования. В границах «нового реализма» ставится вопрос о литературе как необходимой составляющей воспитательного процесса. Можно сказать, что «новый реализм» стремится к оправданию литературы как классической формы духовного сознания. «Новый реализм», как динамичное явление современной словесности, поощряет разработку методологии изучения современных форм словесности, претендующих на позитивные результаты в области нравственной философии.

Степень изученности проблемы. Пока еще не существует временной дистанции, которая упростила бы рассмотрение и научную концептуализацию проблемы «нового реализма». «Новый реализм» - проблема, находящаяся в становлении. Пространство становления и изучения сейчас практически совпадает – это газеты и журналы, прежде всего, «Литературная газета», «Литературная Россия», «День литературы», «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Вопросы литературы». Диссертации по изучаемой нами теме отсутствуют. Особое значение для начинающегося научного изучения имеет рефлексия самих писателей, представляющих «новый реализм», литературная критика, журнальная публицистика, газетные выступления соратников, оппонентов и тех представителей словесности, которые пытаются подойти к явлению с достаточно объективными критериями. Как исследовательский объект «новый реализм» активно формируется в работах В. Пустовой, А. Ганиевой, Е. Погорелой, Л. Сычевой, Н. Ивановой, А. Латыниной, В. Бондаренко, А. Рудалева, С. Белякова².

Новизна исследования сформирована следующими положениями. Впервые в рамках диссертационной работы предпринимается целостное исследование творчества трех значимых русских писателей (З. Прилепина, Р. Сенчина, С. Шаргунова), чьи имена связаны с основными достижениями в области «нового реализма». «Новый реализм», которому посвящено

²

Беляков С. Эпид в красно-коричневых тонах [Электронный ресурс] // Вопросы литературы — 2009 — № 5. — Режим

доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/2009/5/be4.html>

Бондаренко В. Нулевые // День литературы, 26.01.2010.

Ганиева А. Мятёж и похосх [Электронный ресурс] // «Новый Мир» — 2008 — №11. — Режим доступа:

http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2008/11/ga13.html

Латынина А. «Виджу сплошное счастье...» [Электронный ресурс] // Новый Мир — 2007 — № 12. — Режим доступа:

<http://magazines.russ.ru/znania/2010/3/la16.html>

Пустовая В. Новое "Я" современной прозы: об очищении писательской личности // Новый мир, 2004. N 8.

Рудалев А. "Новый реализм" в стиле рэп, Или еще один манифест о спорном направлении [Электронный ресурс] // НГ Ex Libris, 2010-09-09; — Режим доступа: http://exlibris.ng.ru/liu/2010-09-09/6_realism.html

достаточно много литературно-критических статей, публицистических выступлений, прежде не изучался как целостное явление, взаимодействующее с постмодернизмом, с критическим реализмом и обладающее собственной структурой, подлежащей теоретическому изучению. «Новый реализм» впервые изучается как литературный проект, включающий представляющие его манифесты, художественные произведения, произведения non-fiction и литературно-критические выступления.

Теоретическая значимость исследования - в определении и научной реализации принципов анализа современных литературных явлений, претендующих на концептуальную целостность и особое место в новейшей словесности.

Объектом исследования является идейно-художественное пространство прозаических текстов, нравственно-философское содержание манифестов и литературно-критических дискуссий.

Эмпирическим материалом исследования послужили художественные произведения З. Прилепина («Патологии», «Санька», «Грех», «Черная обезьяна»), Р. Сенчина («Минус», «Нубук», «Вперед и вверх на севших батарейках», «Елтышевы»), С. Шаргунова («Ура!», «Птичий грипп»); тексты, написанные в жанре манифеста, определяющего основные принципы «нового реализма» (работы С. Шаргунова, В. Пустовой, А. Рудалева) и произведения, ставящие вопрос о сложном взаимодействии изучаемого литературного проекта с нехудожественными жанрами словесности («Леонид Леонов» З. Прилепина, «Книга без фотографий» С. Шаргунова).

Предметом исследования стала система доминантных признаков (и в области жанровой формы, и на уровне нравственной философии текста), формирующих современное литературное понятие «новый реализм» в его базовых методологических принципах и в индивидуальных авторских концепциях (творческие системы З. Прилепина, Р. Сенчина, С. Шаргунова).

Целью исследования стало комплексное изучение «нового реализма» как значимого факта современного российского литературного процесса в главных теоретических установках и практической реализации, предполагающей анализ ключевых художественных достижений трех знаковых для сегодняшней словесности писателей – Р. Сенчина, З. Прилепина, С. Шаргунова.

Основными задачами исследования следует считать:

- рассмотрение текстов, которые играют роль манифестов, определяющих комплекс главных проблем, решаемых «новым реализмом»;
- воссоздание истории становления «нового реализма» как термина, теоретической модели и практического союза современных литераторов;
- изучение литературно-критического пространства «нового реализма» с выявлением основных концепций соратников и оппонентов;
- определение художественных признаков «нового реализма», способных представить его как целостное явление современной словесности;

- изучение художественного мира произведений Р. Сенчина, З. Прилепина, С. Шаргунова с выявлением их константных признаков;
- целостное рассмотрение и интерпретация ключевых художественных произведений «нового реализма»: романа З. Прилепина «Санька» и романа Р. Сенчина «Елтышевы»;
- исследование вопроса о тенденциях синтеза в рамках «нового реализма», о его взаимодействиях с модернизмом и постмодернизмом.

Методологические основы исследования. 1) Метод филологического анализа литературного произведения, предполагающий целостное изучение художественного текста на разных уровнях становления формы и содержания. 2) Метод литературно-критической интерпретации художественного произведения, акцентированно рассматривающий актуальные уровни художественной реальности. 3) Сравнительно-сопоставительный метод, позволяющий выявить основные тенденции становления «нового реализма» как единства разных литературных практик, а также в его взаимодействии с модернизмом и постмодернизмом.

Апробация исследования. Основные результаты исследования обсуждались на ежегодной научной конференции аспирантов и докторантов (КубГУ, 2010, 2011), на заседаниях кафедры зарубежной литературы и сравнительного культуроведения КубГУ, проходили апробацию в ходе аспирантской практики.

Научно-практическая значимость исследования. Результаты исследования могут быть использованы при разработке вузовских курсов, посвященных истории современной литературы, а также теоретическим проблемам словесности, предполагающим интерес к историческим контекстам становления художественных методов. Следует отметить и междисциплинарный потенциал работы, ее значение для исследований, ставящих комплексные вопросы о формировании вариантов современного мировоззрения в его психологических и философских аспектах.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. «Новый реализм» следует рассматривать, учитывая разные уровни становления и функционирования: как термин, вызывающий закономерные споры; как определенный тип художественного мировоззрения, органическую составляющую целого ряда текстов; как литературный проект, разрабатываемый на протяжении последних десяти лет.
2. Доминирующие признаки «нового реализма» как типа художественного повествования, становящегося основой литературного проекта: противостояние постмодернизму как игровому, нарочито интертекстуальному, ироническому, фрагментарному дискурсу; выбор современного хронотопа – времени и пространства, соответствующих социальной действительности наших дней; автобиографизм как важный метод сюжетостроения, позволяющий писателю креативно использовать воспоминания, собственный житейский опыт; интерес к жанровым формам (эссе, манифест, автобиография, художественное исследование, роман в рассказах), расширяющим границы литературы как типа словесности;

социально-политический критицизм, не приводящий к формированию очевидных идеологических концепций; становление оптимистического миропонимания и поиск положительного героя, способного представить современного (как правило, молодого) человека в контексте его жизненной активности.

3. Анализ художественной практики «нового реализма» показывает особое значение для его формирования творческой деятельности трех писателей – С. Шаргунова, Р. Сенчина, З. Прилепина. Основополагающий манифест («Отрицание траура»), первый художественный текст («Ура!»), принцип построения художественного повествования через интерес к собственной биографии и социальной активности молодого человека предложен С. Шаргуновым. Р. Сенчин последовательно обосновывает и защищает «новый реализм» как автор художественных текстов, выстраивающих образ судьбы современного человека, не отличающегося пафосом активности. Наибольшее разнообразие в литературной деятельности проявляет З. Прилепин, воспроизводящий принципиально разные образы современной реальности: «военную» («Патологии»), «революционную» («Санька»), повседневную («Грех»).

4. Ключевыми текстами русского «нового реализма» являются романы З. Прилепина («Санька») и Р. Сенчина («Елтышевы»). В этих произведениях не только представлена достаточно универсальная картина кризисной реальности, но и созданы архетипы, способные художественно синтезировать опыт современного человека, как в его волевом становлении (текст З. Прилепина), так и в противоположном – гибельном – движении (текст Р. Сенчина).

5. Романы З. Прилепина («Черная обезьяна») и Р. Сенчина («Елтышевы») показывают нарастание в рамках «нового реализма» тенденции поиска динамичных форм взаимодействия с модернизмом. В указанных романах создается предельно концентрированная атмосфера тоски, нравственного падения, пессимистического настроения и доминирования судьбы над субъектом. Это не значит, что ведущие представители «нового реализма» от него отказываются. «Черная обезьяна» и «Елтышевы» показывают поиск новых синтетических жанровых форм контакта художественных методов, которые могут привести к усилению индивидуализации поэтического мира.

Структура диссертационной работы. Работа представляет собой научный текст, состоящий из трех глав, введения, заключения и библиографического списка, насчитывающего 162 позиции. Общий объем работы 175 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность диссертационного исследования, сформулированы цели и задачи работы, определены объект, предмет и теоретико-методологическая база исследования, раскрыта научная новизна, выявлена практическая значимость диссертации.

В **Главе 1 «Новый реализм» как дискуссионная проблема** диссертации пять параграфов (**«Проблема реализма в современном литературоведении», «Манифесты «нового реализма», «Новый реализм»: пространство диалога», «Новый реализм» как объект полемический оценки в современной критике», «Новый реализм»: ключевые признаки литературного проекта»**).

Противостояние реализма и нереалистических методов художественного воссоздания в действительности имеет для современной культуры большое значение. В этом конфликте есть смысл увидеть не только борьбу за тот или иной тип искусства, но и отстаивание нравственных идеалов, восходящих к классической нравственности или уходящих в сторону от нее.

Наиболее последовательно против реализма (как самостоятельного термина и метода оценки художественной деятельности) выступает В.П. Руднев, автор книг «Морфология реальности», «Словарь культуры XX века», «Винни Пух и философия обыденного языка», парадоксально отстаивающий реальность постмодернизма и принципиальную нереальность искусства, привычно называемого реализмом. В.П. Руднев считает его «нелепым термином», представляющим «тоталитарное мышление». Позицию В.П. Руднева мы принимаем за основу тех упреков, которые «новые реалисты» получают в философских контекстах современной полемики о формах эстетического познания мира.

Факт действительного существования реализма трудно отрицать. Значительно интереснее его объяснить. Одним из самых качественных объяснений, появившихся за последние годы, является статья Н.Т. Рымарь «Поэтика реализма» в издании «Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий». В реализме аналитический подход, предполагающий комплексное восприятие действительности в ее противоречивом многообразии, противостоит идеалистическому мышлению, в рамках которого совершается упрощение восприятия жизни через усиление одной из доминант. Каким бы высоким ни был идеал, в поэтике реализма он не может предстать в своем готовом, завершенном виде. Необходимо изображение процессуальности и неоднозначности реальности. Это не значит, что реалистическое искусство настороженно относится к любому идеалу. Дело в другом: идеал должен быть многоракурсным, сложным объектом, который не риторически обозначен, как некая сверхценность, а формируется в рамках психологического процесса. Патетическое начало востребовано значительно меньше, чем проверяющая патетику практика жизни. Акцент переносится с

утверждения на рассмотрение, с выделения искусственного центра на идейную децентрацию, позволяющую освободить взгляд художника от универсальных схем, подчиняющих действительность заданному плану.

Если В.П. Руднев склонен сближать реализм и тоталитаризм, убеждая читателей, что реальность не существует как некая объективность, и следует говорить об отсутствии реализма, чтобы у человека всегда оставался шанс отстаивать иную действительность, то Н.Т. Рымарь призывает к иным оценкам. Реализм рассматривается как антитоталитарное искусство, потому что внимание к событию согласуется с многоаспектностью оценок. Но и сама реальность («до оценки») фиксируется как совокупность мотивов, житейских фактов, психологических движений. Дело не в том, что (позиция В.П. Руднева) реализм (как термин) претендует на единственное верное познание реальности, которое может быть использовано в идеологических целях. Дело в другом: сам метод, обозначенный термином «реализм», позволяет узнать о реальности в большем объеме. В этом контексте реализм обозначает не объем познанного, а метод познания, который предполагает уверенность, что серьезная работа интеллекта в совокупности с художественным чутьем способна привести к появлению одного из множества вариантов литературно оформленной объективности.

Термин «новый реализм» на рубеже двух тысячелетий стал весьма востребован. Наблюдается даже определенная борьба за право представлять это течение, отождествлять его с собою. В частности, В. Бондаренко указал на три группы «новых реалистов». Усилия О. Павлова, А. Варламова, П. Басинского, С. Казначеева, Ю. Козлова не увенчались успехом. Неформальное право называться «новыми реалистами» сумели отстоять более молодые писатели и критики – С. Шаргунов, Р. Сенчин, З. Прилепин, В. Пустовая, А. Рудалев.

Три рассмотренных нами манифеста «нового реализма» показывают векторы его основных интеллектуальных движений. С. Шаргунов («Отрицание траура») утверждает «новый реализм» как орудие нравственно-художественной борьбы против постмодернизма. В. Пустовая («Пораженцы и преображенцы. О двух актуальных взглядах на реализм»), считая противостояние с постмодернизмом начальным этапом формирования направления, говорит о необходимости усложнения его поэтики, формирующейся в преодолении документализма и натурализма. А. Рудалев («Катехизис «нового реализма». Вторая волна») видит в «новом реализме» возможность переустройства общества и усиления национального – русского – фактора.

Наблюдается некоторая расплывчатость границ понятия «нового реализма», который часто пытаются прояснить в терминах-синонимах. Критики вспоминают о трансавангарде, о радикальном реализме, говорят о контакте с классицизмом, романтизмом, модернизмом. А. Рудалев и В. Пустовая, стремясь усилить онтологические основы «нового реализма», вспоминают о средневековом искусстве, где высшей реальностью был Бог.

Следует тезисно обозначить признаки «нового реализма». Обращение к базовым принципам классического реализма в современных контекстах, стремление возродить значение современного художественного текста и литературного процесса через методологию «золотого века» русской словесности. Сюжетное и стилистическое разнообразие, интерес к самым разным формам современной действительности. «Новый реализм» не знает стилистической нормы и не ставит перед собой задачи изображения «типичного человека в типичных обстоятельствах». Его цель – следовать за быстро меняющейся действительностью, не навязывая ей заранее определенных идеологем. Автобиографические принципы повествования, стремление автора реализоваться в роли главного героя, соотнести персональную судьбу с судьбой персонажа. Одно из значимых начал «нового реализма» заключается в интересе молодого писателя к собственной жизни, к персональному опыту, к современности, пропущенной через личную биографию. Поиск нового героя, соответствующего запросам времени в контексте утверждения позитивных жизненных начал. Сторонники «нового реализма» активно противопоставляют искусство драматического оптимизма безграничному цинизму и мировоззренческому пессимизму постмодернистского метода. Субъективизм утверждается как форма преодоления натуралистического отражения действительности. Часто проявляются неполиткорректность, принципиальная ненормативность, социально-культурная агрессивность дискурса «нового реализма». Есть определенная эклектичность «нового реализма», который активно взаимодействует с разными явлениями литературы.

Во Главе 2 «Идейно-художественное своеобразие авторских миров в пространстве «нового реализма» диссертации три параграфа («Константы художественного мира С. Шаргунова», «Константы художественного мира Р. Сенчина», «Константы художественного 3. Прилепина»).

Глава посвящена самым значимым художественным мирам в рамках «нового реализма» - творчеству Сергея Шаргунова, Романа Сенчина, Захара Прилепина. Они – соратники по выбранному направлению в искусстве, товарищи, которые часто встречаются в реальной жизни. Нас интересует не «партийное» единство указанных писателей, а индивидуальные модели «нового реализма», сложившиеся в произведениях трех его самых известных представителей.

В первом параграфе творчество С. Шаргунова представлено произведениями «Ура!», «Птичий грипп», «Книга без фотографий». Мир, создаваемый С. Шаргуновым, располагается на границе словесного искусства, художественной литературы и автобиографического повествования, своеобразного мемуарного документализма. Во всех текстах авторское «Я» присутствует и часто определяет фабульное становление повествования. С. Шаргунов ценит и собственное прошлое, и узнаваемые социальные контексты, черпая сюжеты из реальности, избегая фантастики и

откровенного вымысла. «В “молодой” литературе автор часто как бы отождествляет себя с героем. Так и в повести Сергея Шаргунова. Здесь оба они — и автор, и герой — обладают одинаковыми именами, одинаковыми фамилиями. Отделять героя от автора здесь и в самом деле нет особой необходимости. Сергей Шаргунов — автор, Сергей Шаргунов — герой повести “Ура!”, Сергей Шаргунов — сквозной сюжет повести. Это триединство задает структуру дневника молодого человека с развернутыми в заметки впечатлениями, с глобальными мыслями — печатями освоения мира. Вот маршрут, который прочерчивает автор для читателя. Цель автора — манифестация себя.

Нельзя сказать, что стремление к объективизму препятствует появлению пафоса. Повышенная эмоциональность проявляет себя уже в заголовках. «Птичий грипп» - явление жара, болезненной горячки, охватывающей всех героев этого небольшого романа, который можно назвать и повестью, и очерком с элементами художественной публицистичности. Особенно активно происходит репрезентация настроения в заголовке повести «Ура!». Восклицательное междометие – ключевой знак этого произведения. Создается ощущение, что С. Шаргунов нуждается в слове-мифе. «Ура-talant», «ура-любовь», «ура-судьба» - образы, выдвигаемые автором в контексте утверждения активной жизненной позиции.

Снижение пафоса происходит в воспоминаниях, в авторской рефлексии, в зафиксированном внимании на самом себе, на персональной судьбе. Есть смысл говорить об особенностях шаргуновской экзистенциальности, которая представляется автору закономерной частью «нового реализма». «Я» выступает как источник сюжета, призванный гарантировать реалистичность сюжета. Реализм при этом понимается как верность фактам собственного существования. Есть и попытки усложнить автобиографический контекст. Так, например, происходит в романе «Птичий грипп». Жизнь Сергея Шаргунова без труда угадывается в образе Ивана Шурандина. Но он остается в данном тексте второстепенным персонажем.

Слабость идеологического начала, недоверие к нему оказывается на видном месте. Есть смысл предположить, что С. Шаргунов следует мысли о том, что идея настойчиво, искусственно формирует художественное пространство, в котором нет места для реализма. Присутствие оформившейся идеи отодвигает жизнь на второй план. В романе «Птичий грипп» С. Шаргунов показывает разнообразные организации, сформированные по тому или иному доминантному принципу. Интересно, что писатель делает акцент не на идейном своеобразии каждой партии или социальной группы, а на общем стиле – на страстях, которые скрывают некую интеллектуальную и житейскую несостоятельность.

В произведениях С. Шаргунова присутствует множество локальных действий, которые не способствуют созданию единой, центростремительной фабулы. Ни один из текстов анализируемого автора не предлагает целостной истории, которую можно было бы пересказать как состоявшийся сюжет.

Фрагментарность здесь значительно превосходит линейности повествования, создающей эффект возможного и необходимого пересказа. Акцент делается на протяженности существования, а не на кульминациях, которые оформили бы сюжет как завершенное целое.

Принципы художественного воссоздания характера предстают константными во всех шаргуновских произведениях. Наблюдается отсутствие детализированного психологизма, который уступает место поэтике жеста – лаконичному созданию характерологической доминанты. В повести «Ура!» множество персонажей, бегло описанных, с помощью чего снимается вопрос о потенциальной сложности, открытости того или иного героя.

Проблема ненормативности существенна для произведений С. Шаргунова. Часто обсуждаются алкоголь, наркотики, криминальные, суицидальные действия. Иногда появляется ненормативная лексика, демонстрируя стремление «нового реализма» в своеобразной «низовой правде», когда использование сниженных речевых форм признается оправданным. Интерес к маргинальным формам существования человека сочетается с желанием автора показать себя сторонником нормы. Даже в самой откровенной и экспрессивной повести («Ура!») автор осуждает алкоголь, наркотики, курение, считая их знаком пессимизма, психической зависимости от популярной подсознательной ставки на раннее угасание и даже смерть.

Автобиографический стиль можно оценить как форму выживания и своеобразного культа протяженности существования. Какими бы ни были изображаемые Шаргуновым эпизодические персонажи, текст центрируется вокруг авторского «Я». Даже если сам повествователь, всегда близкий к Шаргунову, находится в унынии, оно носит временный характер. Упоение длящейся жизнью, любованье самой возможностью существовать имеет большое значение для понимания «нового реализма» С. Шаргунова. С этим началом связана и поэтика открытого финала, символизирующего продолжение жизни.

Откровенность предстает как форма потенциального диалога с читателем. Публицистичность – как вариант художественности, предполагающей наличие читателя, интересующегося современностью. Пафос поэтизации повседневности – форма преодоления поэтики постмодернизма. Каталогизация – как способ организации повествования. В «Птичьей гриппе» каталогизации подлежат «портреты» разных социально-маргинальных групп. В «Книге без фотографий» каталогизируются эпизоды собственной биографии.

Тема любви характеризуется амбивалентностью. С одной стороны, любовь воспринимается Шаргуновым как экстремальная точка жизни, способная приблизить героя к счастью. С другой стороны, есть ощущение любви, предчувствие, интуиция, но нет той одной Любви, которая определяет судьбу человека раз и навсегда. В «Ура!» – Лена Мясникова, в «Книге без фотографий» – Аня. Но образ женщины всегда остается на

расстоянии. Она присутствует в воспоминаниях, переживаниях, но практически не появляется как равноправный персонаж.

Специфика молодежного дискурса закономерно присуща произведениям С. Шаргунова. Парадоксальность заключается в том, что молодежный дискурс с его возрастными особенностями реализуется внутри автобиографической формы, предполагающей опыт и определенное житейское спокойствие.

Во втором параграфе рассматриваются произведения Р. Сенчина «Минус», «Нубук», «Вперед и вверх на севших батарейках». «Минус» – математический знак отрицания, который в данном случае организует повесть по принципу достаточно определенного, константного настроения. Создается ощущение, что возле каждого действия, которое совершает (или не совершает) герой, возле любого его рассуждения о жизни можно поставить «минус», который окажется обозначением неудачи. «Нубук» – обозначение типа кожи. Здесь встречаемся с той же семантической ситуацией, что и в предыдущем произведении. Слово «нубук» в контексте произведения синонимично слову «минус». Нубук – материал, который может удивить внешним видом, особой элегантностью, но отличается плохим качеством, недолговечностью. «Вперед и вверх на севших батарейках» – более сложный, многословный тип заголовка. Обращает на себя внимание тот факт, что появляются позитивные слова: «вперед» и «вверх». Действительно, данное произведение интонационно выстроено несколько иначе. Жизнь главного героя выглядит более организованной и устроенной, чем в двух предыдущих текстах. Но есть и другая часть заголовка, выражаемая словосочетанием «севшие батарейки». Можно говорить о контрастном и противоречивом названии: есть эффект движения и подъема, но совершаются они на особых условиях, при котором нет никакой гарантии успеха. «Севшие батарейки» вполне могут привести к неудаче, свести к нулю позитивный фактор подъема и развития.

Фабула всех трех произведений предельно ослаблена, пересказ событийной части повестей – большая проблема для читателя. Это можно объяснить следующими факторами. 1) Автор не стремится к динамичному действию, к ярко выраженным конфликтам, его основная цель – отобразить состояние, сознание героя. 2) Автор ориентируется на собственную биографию, создает художественный текст на основе автобиографии, которая воспроизводится без большого участия вымысла, с желанием Р. Сенчина оставаться в контексте действительно происходивших событий. 3) Автор, достаточно часто полемизируя с современной литературой в ее постмодернистском варианте, упрекая ее в избыточной фантасмагорической событийности, делает акцент на сознании обыкновенного молодого человека, решающего свои проблемы в контексте повседневности.

Ослабленность сюжетного действия – принципиальный выбор Р. Сенчина. Темпоральные особенности его повестей показывают авторское стремление фиксировать время, которое течет неторопливо. Это время чуждо внезапным ускорениям, катастрофическим поворотам судьбы, оно не

насыщено теми событиями, которые могли бы усилить динамику. Это настоящее или недавнее прошлое, будущее (например, на правах мечты) присутствует в тексте крайне редко. Социальные характеристики времени всегда очевидны, но эта социальность лишена эпического характера, реализуемого, например, в актуализации политической проблематики.

Можно сделать вывод о негативном восприятии героем себя, о подчеркивании отрицательных черт характера. Читатель оказывается под необычным прессингом: герой, сближаемый с автором, многое делает, чтобы предстать в негативном виде. Он часто оказывается трусом, иногда готов к подлости, не способен к серьезным отношениям. Его воображение разыгрывается лишь тогда, когда возникает опасность для собственной жизни. Смысл мог обнаружиться и в отношениях с женщиной. Но следует констатировать периферийное положение любовного сюжета, очевидное авторское нежелание создавать в произведении эффект романтической истории. Ни в одном из текстов нет изображения счастливого чувства. Впрочем, герой не скрывает, что его чаще занимают физиологические аспекты привязанности, чем аспекты духовные.

Отсутствие героев с сильной жизненной позицией, с ясной целью, которая осознавалась бы как раз и навсегда выбранный план – закон для художественного мира Р. Сенчина. Сильные личности с четким и сознательно принятым жизненным заданием редко попадают в художественный мир Р. Сенчина. Ему больше интересен человек с размытыми ориентирами, с сознанием, которое не сделало выбор.

Еще одна значимая черта - невнимание к идейной стороне жизни, авторский отказ от выбора идеологии и от концептуализации мыслительного процесса героя. У Захара Прилепина в романе «Санька» главный герой имеет отношение к партийной деятельности, пусть и не стремится полностью слиться с организацией. Сергей Шаргунов в романе «Птичий грипп» создает образы различных молодежных организаций. Роман Сенчин не интересуется в своих художественных текстах идеологией. Ему важно показать одинокого человека, остающегося наедине с собственным непросветленным сознанием. Такой личности не может помочь ни четко оформленная идеология, ни политическая партия, ни рационализированная философская система. Все, что способно ясно обозначить путь, остается за пределами повествования.

В большинстве текстов Р. Сенчин пытается создать эффект максимального сближения между своей жизнью и жизнью героя. Это не просто автобиографический метод, но и серьезная авторская уверенность в том, что художественное постижение мира наиболее эффективно совершается через свою жизнь, когда она сохраняется как пространство творчества, но и оказывается объектом своеобразного изучения.

Сам автор, сохраняя имя и фамилию, является главным героем своих произведений. Форма дневника, правда, не связанная конкретными датами, признается вполне приемлемой. Собственная жизнь становится художественным объектом. Одиночество – на первом плане: нет жены, друга, мира с самим собой. Наблюдается дегероизация, откровенность, доходящая

до саморазоблачения, акцентированное внимание к собственным негативным чертам. Снижается пафос, отсутствует романтическое начало. Быт побеждает. Нет никаких иллюзий и поэтизации молодости, возможностей, таланта. Много физиологизма в понимании человека.

На примере текстов Романа Сенчина можно сделать вывод, что «новый реализм» не может быть назван идеологическим искусством. Герой не имеет отношения к определенной идее, как, впрочем, и сам автор. Движение в тексте осуществляется за счет достаточного вялого изменения жизни, обыденной реальности, но не сознания, которое совершенно не тяготест ни к одной из форм концептуализации.

Повествование нельзя назвать динамичным. Следует отметить отсутствие сюжетного напряжения. Создается впечатление, что автор собирается описывать повседневность в разнообразии деталей, но при этом – в однообразии авторского настроения, которое практически никогда не бывает приподнятым. Отсутствуют кульминации, очевидные развязки, яркие конфликты, конфликтные диалоги. Между простыми людьми и интеллигентами нет большой разницы.

С предыдущим принципом поэтики связан и характер главного героя, в котором выделяется безволие, отсутствие стремления принимать решения, активно менять свою жизнь и окружающую действительность. Каждый текст отличается совершенно определенной статичностью по отношению к проблеме художественного времени и пространства. В каждой повести – определенный регион (Минусинск, Петербург, Москва), определенный вид деятельности (работа монтировщика в театре, подсобная работа в торговом бизнесе друга, литературная работа в институте и редакции). Нравственная личность автора не возвышается над изображаемой реальностью. Перед читателем – герой нашего времени, лишенный даже намек на героизм в его привычном значении.

В третьем параграфе рассматриваются произведения З. Прилепина: «Патологии», «Леонид Леонов», «Грех», «Черная обезьяна». Особое внимание уделено двум последним текстам. Следует отметить стремление Захара Прилепина к романному жанру, в котором он чувствует серьезность формы, своеобразное обращение к классическому периоду русской словесности, когда роман воспринимался как влиятельный тип повествования, способный связать литературу с жизнью. В формальном плане «Грех» сложно назвать романом: нет единой фабулы, создающей цельность сюжета, определяющей его центростремительный характер; нельзя с полной определенностью сказать, что в каждой из частей мы встречаемся с одним и тем же персонажем; в каждой части появляется новое пространство – город, деревня, блокпост; герои, с которыми читатель встречается в одной части, не появляются в другой; части (главы), которые, по мысли Прилепина, должны создать эффект цельного повествования, больше похожи на отдельные рассказы. Автор и дал тексту соответствующий подзаголовок: «Роман в рассказах», но при этом надо обратить внимание, что Прилепин отказался от более логичного подзаголовка «сборник рассказов».

Следовательно, в авторском замысле есть совершенно определенная установка на единую организацию повествования. Эту общность целесообразно увидеть в следующих ключевых параметрах текста. Образ молодого человека (часто он выступает в роли рассказчика) проходит через все главы, поддерживая мысль о единстве биографии главного героя; при этом отнюдь не всегда подчеркивается, что герои рассказов представляют одно и то же лицо. Возможно, в этом есть авторское стремление к одновременному воссозданию индивидуальности и типичности. Прилепин опирается и на собственную биографию, использует фантазию, вымысел, и не отказывается от типизации, которая позволяет разным читателям (прежде всего молодым) сопоставлять свой собственный путь с тем, который проходят герои «Греха».

Есть концепция настроения, которое переходит из текста в текст, способствуя ни сюжетному, ни биографическому, а некоему настроенческому единству произведения, которое передается читателю как то, что можно назвать «любовью к жизни», «радостью существования», «интуицией счастья». Прилепинский герой – молодой человек, отдающийся конкретной ситуации, переживающий ее полноту и остающийся при этом человеком, не склонным к подлости. Настроение этого произведения соответствует молодежной этике, тому, что можно назвать «пацанской нормальностью», когда человек без каких-то особых нравственных катастроф способен пережить свою юность, остаться человеком и подготовить себя к взрослой жизни. Житейский оптимизм – доминирующее чувство, проходящее через все тексты «Греха». Но было бы неверно говорить о поверхностном характере этого оптимизма. В каждом из рассказов есть обращение к проблеме смерти, которая приобретает лейтмотивный характер. Завершается «Грех» трагической смертью героя в районе боевых действий. Судя по всему, гибнет персонаж, с которым мы встречались во всех частях этого романа в рассказах».

«Черная обезьяна» - роман, который резко отличается от предшествующих опытов автора, заставляющий поставить вопрос о новом этапе творчества Прилепина. Признаки «нового реализма» можно без труда обнаружить в этом романе. Художественное воссоздание кризиса на этот раз представляется писателю более уместным, чем обращение к оптимистическим сюжетам. Перед читателем появляется повествующее Я, которое ставит задачу представления своего автопортрета. Время действия – современность, которая сохраняет свое значение даже тогда, когда усиливается притчевый характер повествования. Проблема нравственного здоровья современного человека, его взаимодействия с окружающей жизнью оказывается одной из главных для автора. Даже обозначив проблему трансформации «нового реализма» в «Черной обезьяне», мы должны признать, что его ключевые принципы присутствуют в произведении, показывают реальность связи Захара Прилепина с этим направлением. Усиливается то, что сегодня принято называть литературным аутизмом,

нарастающей субъективностью автора, но происходит этот процесс в контексте «новореалистических» установок.

Семейная жизнь героя – популярная тема, востребованная в «новом реализме». Но воссоздана эта тема нелинейно, без постепенного нарастания конфликта, без желания показать этапность развития проблемы. Нет эпизодов, связанных со знакомством с будущей женой, совершенно отсутствует типичное для «нового реализма» раскрытие обстоятельств в рамках отдельных, четко выделенных сцен. Можно отметить, что герой «Черной обезьяны» настолько погружен в себя, что диалог является практически невозможным. Прилепин подчеркивает наличие контекста, который не просто лаконично обозначить. В этом контексте множество мелких проблем складываются в одну общую невозможность сохранять все так, как есть. Нет ярко выраженных слов, обозначающих смысл кризиса, пришедшего в эту семью. Очевидно лишь, что кризис есть, следовательно, нельзя жить так, как жили раньше. Акцент перенесен с детализации семейного конфликта на его крайне душную, невыносимую атмосферу. Присутствие детей только нагнетает пессимистические настроения, усиливает вину героя в его собственном сознании, но не способствует обнаружению пути. Пунктиром намеченные сцены «герой-жена», «герой-дети» представляют конфликт, но как бы сохраняют его присутствие в сознании безымянного героя, не дают возможность уловить иной ракурс в его воссоздании.

Внутренний кризис, представленный Захаром Прилепиным, можно было бы счесть близким к стандарту кризисом среднего возраста. Но сам писатель против такого упрощения. Две связанные друг с другом темы – детей-убийц и Шарова-идеолога – демонстрируют авторское тяготение к другим контекстам, которые личную проблему поднимают на более высокую ступень, показывают типичность проблемы, достигающей апокалиптического масштаба.

Дети-убийцы – ужас героя, формула его вины, но и объективность происходящего в современном внешнем мире. Дети-убийцы – самая болезненная тема «Черной обезьяны». У нее в романе есть субъективный и объективный аспекты. Первый связан с состоянием героя, в нарастании его страхов, с усиливающейся депрессией, с подсознательным ощущением того, что жизнь проходит совсем не так, как должна проходить. Безымянный герой, обращаясь к теме подростков, как бы диагностирует свое состояние духа, приходя к выводу, что это состояние не отличается здоровьем. Объективный аспект заключается в том, что тему детей-убийц нельзя свести исключительно к состоянию повествующего персонажа. Да, он запутался в жизни, Прилепин разными способами подчеркивает отсутствие четких ориентиров в настоящем и путей спасения в будущем. Но болен и сам мир. Подростки появляются в разных мирах, живут и в разных сознаниях, и в криминальных сводках, объективно отражающих образ присутствующего мира, не менее больного, чем сам герой.

Велимир Шаров – самый загадочный персонаж «Черной обезьяны». К нему стремится главный герой, но он же понимает, что Шаров опасен, потому что имеет цель использовать современное недовольство миром, чтобы реализовать какой-то масштабный проект. Смысл этого проекта подробно не раскрывается. Ясно, что в состоянии сознания Шарова и во внутреннем мире безымянного героя есть общие черты. Оба отличаются тяжелым, непросветленным отношением к жизни, пребыванием в депрессии, не поддающейся простой, однозначной идентификации. При этом очевидно, что герой-рассказчик не является рациональным характером. Он сам себя не знает, плохо понимает, чувствуя лишь утрату почвы и житейских опор. Шаров – иной тип: не любя мир и человека, он стремится трансформировать депрессивное настроение (оно имеет массовый характер) в концепцию, в идею, пригодную для широкой реализации в социальном мире.

«Внутренний Апокалипсис», который переживает герой, соединяется с тем Апокалипсисом, который готов предложить Шаров. Как итог, появляется образ мира, который лишен защиты, балансирует «на грани». Психологическое взаимодействует с инфернальным. Этому способствует и стиль повествования, фиксирующий нарастание страхов и полумистических ассоциаций.

В Главе 3 «Ключевые романы «нового реализма»: «Санька» З. Прилепина и «Елтышевы» Р. Сенчина» диссертации три параграфа («Романы З. Прилепина («Санька») и Р. Сенчина («Елтышевы») в пространстве современной литературной критики», «Концепция человека и проблема конфликта в романе З. Прилепина «Санька», «Концепция человека и проблема конфликта в романе Р. Сенчина «Елтышевы»).

Если рассматривать художественную литературу в контексте «большого времени», с точки зрения включения того или иного произведения в идейно-эстетические процессы будущего, то необходимо решать проблему «нового реализма» как идейно-эстетической реальности, способной создать знаковые тексты. Последняя глава диссертации посвящена двум произведениям, способным претендовать на статус «знакового текста» «нового реализма». Это роман «Санька» Захара Прилепина и роман «Елтышевы» Романа Сенчина.

Приведем аргументы в пользу особого положения двух названных текстов. 1) Романы посвящены кризисным явлениям современной российской истории, конфликтам и процессам, которые обсуждаются не только на страницах литературных произведений. 2) Авторам удалось предложить образы, которые оказались архетипическими для познания современной жизни (впрочем, как и искусства); «Санька» и «Елтышевы» (как архетипические имена) приобрели должную собирательность. 3) Оба романа на данный момент являются ключевыми в творчестве Прилепина и Сенчина, роль которых в становлении «нового реализма» трудно переоценить.

4) Избранные романы в должном объеме показывают динамичные процессы, характерные для становления «нового реализма».

Поэтику романа З. Прилепина «Санька» следует представить в следующих тезисах. Героем становится современный молодой человек, который не принимает современный мир, построенный за последние годы, и активно выступает против системы, отрицая принципы предлагаемой властью жизни. Роман написан молодым писателем, которого можно отнести к редкому социально-психологическому типу современного революционера. Автор пишет о той реальности, которую хорошо знает, но при этом не идет по пути своего главного героя, не остается в революции и включается в действительность нашего времени. Если герой идет на смерть, выбирает экстремальный путь, то сам автор постепенно становится одним из самых востребованных писателей. Роман представляет собой текст, способный предложить ответы не только на эстетические вопросы, но и на вопрос о смысле исторических событий, случившихся в стране за последние десятилетия. «Санька» может быть воспринят как реакция смелого человека на социальные изменения, которые не устраивают большой процент читателей.

Написанное Прилепиным произведение представляет собой достаточно сложный жанровый синтез: принципы городского романа вступают во взаимодействие с принципами деревенской прозы, есть признаки революционной прозы, восходящей к роману Горького «Мать», также можно говорить о принципах социально-критического повествования, особую популярность получившего в эпоху Перестройки.

По-своему решена одна из важнейших проблем художественной литературы – проблема положительного героя. Прилепиным показан деятельный герой, способный обосновать свои жизненные принципы, хорошо знающий причины своего отношения к современности. Герой является сформировавшейся личностью, но при этом он – не одиночка, соответствующий принципам современного литературного аутизма, а представитель партии, которая является коллективным героем «Саньки». Роман показывает не только героя – носителя революционной судьбы, но и решает проблему современного человека на самых разных уровнях: есть представители старшего поколения, есть люди компромисса, представители власти, молодые революционеры, партийные функционеры, военные и т.д. В целом, следуя традициям реалистического повествования, роман Прилепина показывает не «типичного героя в типичных обстоятельствах», а скорее исключительного героя, но в контекстах, которые надо признать возможными и актуальными.

В плане настроения роман является эффективным совмещением разных эмоциональных пластов: пессимистический образ современной России и тех изменений, которые произошли со страной на рубеже веков, соединяются с героической философией, с концепцией самоутверждения личности, которая реализует себя через преодоление компромиссов и страха. Трагизм, который

оформляется в финале романа, использует оптимизм, а не отвергает его, как часто случается в постмодернистской литературе.

Поэтику романа Р. Сенчина «Елтышевы» следует представить в следующих тезисах. Падение обычного человека показано в динамике, в сочетании «случайного» и «закономерного». Главное – гибель ординарного современного человека, который не знает и не понимает, как ему противостоять собственному уничтожению.

Гибнущий герой показан не в своеобразии индивидуального, а в единстве коллективного начала. В романе гибнет семья как коллективный герой, что приводит читателя к обобщающей мысли о масштабах изображенной в «Елтышевых» проблемы. Образ главы семьи воссоздан наиболее детально, но и образы жены и сына Артема присутствуют в романе как важные художественные объекты. Обобщение, безусловно, присутствует в тексте. Роман способен поставить перед читателем вопрос о гибели – не только конкретной семьи, изображенной Сенчиным, но и страны, народа в целом.

Авторское сознание нельзя назвать автономным; оно как бы сживается с изображенной гибелью семьи Елтышевых, находится на «одной волне» с ними, не допуская возможных путей к спасению. В прямых высказываниях автор не обвиняет Елтышевых и не выражает особого сочувствия, сдерживает свои эмоции. Роман отличается целостным характером негативного восприятия современной действительности и, возможно, жизни в целом. Одна из главных причин популярности «Елтышевых» заключается в том, что он соответствует представлениям о гибельности социально-исторических процессов в России нашего времени, что является убеждением многих читателей. Можно сказать и о том, что условно стандартный читатель среднего поколения, сохранивший интерес к психологически сложной художественной литературе, ближе к философии пессимизма, нежели к философии оптимизма.

Рассматривая романы З. Прилепина и Р. Сенчина в контексте проблемы «нового реализма», обратим внимание и на характеристику произведений через отсутствие существенных компонентов поэтики. В романе «Санька» нет постмодернистских игр с сюжетом, временем, пространством. Отсутствуют самодовлеющие художественные эксперименты. Нет и речевых игр, призванных сделать максимально субъективной речевую сферу произведения. Отсутствует публицистическое начало, которое часто встречается в художественных произведениях, посвященных современной истории. Прилепин – опытный журналист, но в данном романе публицистическая риторика – не на первом плане, хотя в ряде диалогов с оппонентами главный герой ее использует.

Несмотря на то, что формально роман посвящен партийной организации, которую можно признать экстремистской, в тексте нет места для подробного, детализированного идеологизма. Пребывание Тишина в партии мотивируется волевыми, а не идеологическими причинами. Роман отличается от многих произведений «нового русского реализма» тем, что

повествование ведется не от «первого», а от «третьего» лица. В «Саньке» отсутствует жестко обусловленный автобиографизм. Между героем и автором сохраняется дистанция, усиливающая художественность происходящего.

В романе «Елтышевы» повествование строится на одной доминирующей эмоции, которую можно обозначить как «нисхождение», «угасание». В романе отсутствует надежда, которая может появиться в сознании героев, но быстро исчезает, как иллюзия. В сознании автора оптимистические чувства не появляются. В «Елтышевых» практически полностью отсутствует публицистическое начало, выраженный социальный критицизм. Нет специально высказанного отрицания современной политики, власти, нет длинных рассуждений о характере изменений в российской жизни последних десятилетий. Отсутствует метафизическое начало и тема религии. С одной стороны, то, что происходит с Елтышевыми, может быть воспринято в контексте проблемы «злой судьбы», «проклятия», «богооставленности». С другой стороны, автор, часто обращаясь к образам пустоты, показывает отсутствие религиозно-метафизического начала. Показывает Сенчин и невозможность спасения своих героев с помощью религии. Отсутствует само стремление к формированию диалогической структуры произведения. Идеологических конфликтов, споров о разных моделях жизненного пути в романе Сенчина не возникает. В немногочисленных беседах между героями не появляется мысль о той здоровой альтернативе, которая могла бы иначе построить судьбу Елтышевых.

В Заключении подводятся основные итоги исследования.

«Новый реализм» нельзя назвать сложившимся литературным направлением, отличающимся такими же четкими, константными признаками, как классицизм, романтизм или экзистенциализм. «Новый реализм» - форма литературной солидарности молодых писателей, которые стремятся дистанцироваться от массовой культуры в самых разных ее вариантах и продемонстрировать верность «жизни», «социальности», «историчности», «автобиографичности», противостоящим постмодернистскому методу взаимодействия жизни и искусства. «Новый реализм» в настоящее время позитивен не высокими художественными достижениями (хотя есть и они), а актуализацией современной литературы, привлечением внимания к творчеству молодых писателей, стремящихся доказать, что литература, как и в двух минувших столетиях, имеет возможность остаться в центре культурных процессов, влиять на формирование человека XXI столетия.

Практически решенной представляется проблема противостояния «нового реализма» с постмодернизмом. «Новых реалистов» не устраивают доминирующая ирония, склонность к нарочитой игре, к болезненным фантазиям, к разрушению социальных контекстов, к болезненным комплексам. «Новый реализм», отвергая избыточный интерес к арсеналу мировой культуры, объявляет приоритетным направлением «настоящее»,

призванное усилить интерес к его собственной жизни. Автобиографизм – одна из главных черт «нового реализма», позволяющая оппонентам говорить о стирании граней между литературно-художественным текстом и мемуарной литературой, воспоминаниями. Обращаясь к нехудожественным формам повествования, увеличивая присутствие публицистического начала, сторонники «нового реализма» могут быть восприняты как представители метода, стирающего границы между литературой и, например, эссеистикой.

Менее очевидной выглядит проблема взаимодействия «нового реализма» с классическим, критическим реализмом. Интерес к «Я» не уступает подобному интересу в критическом реализме, а в некоторых случаях даже превосходит его. Но внимание к «Я» может означать и нарастание субъективистских тенденций, неспособность автора выйти за пределы собственного мировоззренческого круга. В критическом реализме победила практика разнообразных ракурсов, позволяющая оценивать событие и характер с разных точек зрения. В большинстве текстов «нового реализма» подобной панорамности нет. М.М. Бахтин говорил о «полифоничности» романов Ф.М. Достоевского. Полифонизм – важное свойство реализма, способного не останавливаться на одном из вариантов мировосприятия. В изучаемом нами художественном явлении полифонизм нередко уступает место авторскому монологизму и подчеркнутому интересу писателя к самому себе.

«Новый реализм» нельзя назвать «серым» пространством, в рамках которого все предсказуемо и повторяемо. Мы пришли к выводу о присутствии авторских моделей, способствующих индивидуализации «новореалистического» мира. Произведения Шаргунова, Сенчина, Прилепина показывают разные грани художественных поисков «новых реалистов». Сенчин сконцентрирован на литературном познании близкого ему эмоционального состояния. Шаргунов более публицистичен и разнообразен в изображении настроений, но при этом и для него собственная жизнь – важный источник сюжетов. Разнообразнее творчество Захара Прилепина: в «Патологиях», «Грехе» и «Черной обезьяне» принципиально разные модели организации повествования.

Особо следует подчеркнуть стремление «нового реализма» к «пограничным» формам поэтики. Роман «Санька» – самое известное произведение «нового реализма» и, пожалуй, самое нетипичное. Роман Р. Сенчина «Елтышевы» и последний на данный момент роман З. Прилепина («Черная обезьяна») показывают стремление писателей к созданию сюжетных моделей на границе реализма и модернизма.

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях (звездочкой помечены издания списка, рекомендуемого ВАК РФ для публикации результатов и материалов кандидатских диссертационных исследований):

1. *Ротай Е.М. Константы художественного мира в повестях Р. Сенчина.

// Политематический сетевой электронный научный журнал

- Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ), №77(03). – Краснодар, 2012. – 0,5 п.л.
2. *Ротай Е.М. «Новый русский реализм»: основные признаки литературного проекта. // Культурная жизнь юга России. – Краснодар, № 3(41), 2011. – С.73-74. – 0,2 п.л.
 3. Ротай Е.М. «Новый русский реализм» как дискуссионная проблема. // Научное издание. – Краснодар: Изд-во КубГУ, 2010. – 54 с. – 2 п.л.
 4. Ротай Е.М. «Новый русский реализм» как объект полемической оценки в современной критике. // Современная филология: теория и практика: Материалы IV международной научно-практической конференции 29-30 июня 2011 г.: Москва, 2011. – С.254-258. – 0,2 п.л.
 5. Ротай Е.М. Концепция человека и проблема конфликта в романе Р. Сенчина «Елтышевы». // Интеграция науки и практики как механизм эффективного развития современного общества: Материалы I международной научно-практической конференции 20-21 октября 2011 г.: Москва, 2011. – С.98-103. – 0,2 п.л.
 6. Ротай Е.М. Актуализация современного литературного процесса в рецепции романов З. Прилепина («Санька») и Р. Сенчина («Елтышевы»). // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук №9(32) сентябрь 2011. Москва, 2011. – С.155-159. – 0,4 п.л.
 7. Ротай Е.М. Константы художественного мира С. Шаргунова. // Интеграция науки и практики как механизм эффективного развития современного общества: Материалы II международной научно-практической конференции 30-31 декабря 2011 г.: Москва, 2011. – С.143-147. – 0,2 п.л.
 8. Ротай Е.М. Концепция человека и проблема конфликта в романе З. Прилепина «Санька». // Современная литература: писатели, тексты, идеи (сборник статей) / Под ред. А.В. Татаринова. Краснодар: ZARLIT, 2012. – С. 135-141. – 0,4 п.л.
 9. Ротай Е.М. «Новый реализм» в современной русской прозе. // Современная литература: писатели, тексты, идеи (сборник статей) / Под ред. А.В. Татаринова. Краснодар: ZARLIT, 2012. – С. 141-145. – 0,2 п.л.
 10. Ротай Е.М. Идеино-художественное своеобразие авторских миров в пространстве «нового реализма». // Журналистика XXI века: Том 1, Краснодар, 2013. – С. 79-82. – 0,5 п.л.

Автореферат

Ротай Евгения Михайловна

**«НОВЫЙ РЕАЛИЗМ» В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ:
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ
Р. СЕНЧИНА, З. ПРИЛЕПИНА, С. ШАРГУНОВА**

Подписано в печать 20.11.2013 г. Формат 60х84/16.

Бум. тип. № 1. Уч.-изд. л. 1,5.

Тираж 100 экз. Заказ № 1620.16

Издательско-полиграфический центр

Кубанского государственного университета
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.